37.54.5.9.

37.54.5.9.

ПО НЕПРОТОРЕННОЙ ДОРОГѢ.

130 10/5

А. ЛЕСНЕВСКОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

Посвящаю другу моему
Д-ру И. И. Чарномской.

Это было лѣтомъ 1889 года. Послѣ окончанія института я отдыхала въ деревнѣ у бабушки, въ одной изъ губерній западнаго края. Случайно я прочитала въ газетахъ, что женщинамъ предоставляется право быть фармацевтами и ихъ допустятъ работать въ аптекахъ въ качествѣ ученицъ. Трудъ совершенно новый, интересный. Какъ разъ совпало это извѣстіе съ моими думами о будущемъ. Педагогическая дѣятельность мнѣ не улыбалась, а новинка фармацевтическаго труда меня прельщала.

Родные и знакомые отговаривали меня, особенно возмущалась этимъ рѣшеніемъ моя тетушка.

— Неужели дали тебѣ для того образованіе, чтобы ты за прилавкомъ вертѣла пилюли, мази, полоскала бутылки, разливала касторку?

— А развѣ не полощатъ и не моютъ бутылокъ, ступокъ, пробирокъ и другой посуды въ химическихъ лабораторіяхъ?.. пробовала я возразить.

— Такъ это химики, люди науки.

— Отчего же фармацевтъ не можетъ быть человѣкомъ науки, тетушка?

— Да помилуй, кто поступаетъ въ аптеку? Тотъ, кому некуда дѣться, выгнали изъ гимназіи, за шалость или лѣность или тупица какой-нибудь отъ природы, дотянулъ до пятаго класса съ грѣхомъ пополамъ да и въ аптеку. Наконецъ, возьми, милая, въ примѣръ твоего кузена Михаила. Вѣдь у тети Алины всѣ дѣти какъ люди. Старшій въ университетѣ, другой реальное кончаетъ, дочь въ институтѣ первой идетъ, а меньшой сынокъ не задался. Въ каждомъ классѣ по два года сидѣлъ. Хотѣли исключить еще изъ третьяго класса гимназіи, но бѣдная мать выклянчила у директора и учителей, просила

не притѣснять мальчика, добраться бы ему только до четвертаго класса, имѣя въ виду аптеку. Да что тутъ говорить! Въ аптеку идутъ или лѣнтяиили съ горя, по нуждѣ. Знала я когда то одного Карла Ивановича, пресимпатичный старикъ, разсказывалъ мнѣ онъ какъ то разъ, какъ онъ сталъ аптекаремъ. Отецъ умеръ, осталась мать да шесть человѣкъ ребятъ, одинъ меньше другого, а средствъ никакихъ. Троихъ родные разобрали, двоихъ оставила себѣ, а самаго старшаго, Карла, изъ пятаго класса гимназіи взяла, платить было нечѣмъ (а учился отлично) и въ аптеку помѣстила. Съ горя одного, нужда заставила.

Всѣ эти разсужденія, ясно демонстрирующія взгляды общества на фармацевта, не имѣли для меня никакого значенія и, вопреки всему, я твердо рѣшила избрать себѣ фармацевтическую дѣятельность. Я уѣхала къ родителямъ въ одинъ изъ приволжскихъ городовъ, гдѣ отецъ мой состоялъ врачемъ. Съ его помощью въ нѣсколько мѣсяцевъ я изучила всѣ премудрости латинскаго языка въ объемѣ 4-хъ классовъ гимназіи и отправилась въ нашъ губернскій городъ держать экзаменъ въ мужской гимназіи по латыни, какъ дополнительному на званіе аптекарской ученицы. Въ городѣ, гдѣ мы жили, была одна аптека, и владѣлецъ ея, аптекарь съ женой, были очень хорошіе люди. У нихъ я намѣревалась дебютировать.

Мой экзаменъ въ N заинтересовалъ, какъ новинка, весь учительскій штатъ.

Въ этотъ день, положимъ, было засѣданіе педагогическаго совѣта, и послѣ засѣданія, всѣ учителя, человѣкъ до двадцати съ директоромъ и батюшкой даже во главѣ, остались присутствовать на моемъ экзаменѣ, т. к. въ этой гимназіи я была первая женщина, которую экзаменовали по латинскому языку. Экзаменовали меня легко, отнеслись весьма благоразумно; такъ какъ, дѣйствительно, много ли нужно знать для латинской кухни, и Цезарь по моему совершенно тутъ лишній, хотя пришлось мнѣ его переводить.

Получивъ свидѣтельство на званіе аптекарской ученицы, я вернулась радостная домой, чтобы вступить на новую мою должность, которая меня очень интересовала.

Готовить лекарства, прописанныя моимъ отцомъ, знать дѣйствіе всѣхъ медикаментовъ, ядовъ, все это представляло для меня большой интересъ. Аптеку я представляла себѣ какъ школу, лабораторію аптечную какъ «sanctuarium», въ которое входить можетъ только посвященный во всѣ химическія тайны. А потомъ въ головѣ моей роились мечты о будущемъ. Въ воображеніи моемъ быстро неслись дни, мѣсяцы и лѣта. Вотъ прошло три года и я—помощникъ вотъ еще три года (длинный томительный срокъ!) я ѣду на курсы, слушаю лекціи, держу экзаменъ на провизора, вижу себя въ лабораторіи одного изъ университетовъ, окруженную разными колбами, ретортами, трубками, микроскопомъ и т. д.

Фантазія моя ведетъ меня дальше. Гдѣ нибудь на югѣ и непремѣнно въ Польшѣ или Малороссіи, въ хорошенькомъ городкѣ, я — въ собственной аптекѣ. Чудный лѣтній вечеръ. Около дома садъ и огородъ, тамъ цвѣтутъ мои аптечные цвѣтики: душистая малина, мята, ромашка, майранъ и другіе. Со мной живутъ мои родители. Отецъ отдыхаетъ послѣ полной заботъ и труда жизни...

Съ такими грезами я вступила на этотъ новый, еще неизвѣстный и неиспытанный нами, женщинами, путь.

Первый день, когда явилась я съ отцомъ къ аптекарю, моему первому принципалу, помнится мнѣ и теперь еще, хотя прошло уже много лѣтъ и многое измѣнилось; молодыя грезы успѣли повыдохнуться и улетучиться, какъ эфиръ, а мечты исчезли какъ камфора...

Аптекарь встрѣтилъ меня привѣтливо со словами: «здравствуйте, коллега»!

Это меня польстило, хотя, собственно говоря, я, какъ ученица, не могла считаться еще фармацевтомъ, а слѣдовательно коллегой аптекаря; но я, положимъ, не обыкновенный аптекарскій ученикъ, приходило мнѣ въ голову.

Первоначальная работа была, конечно, неинтересна, хотя я не мыла стклянокъ, не дѣлала никакой грязной работы, которая, какъ казалось, часто выпадаетъ на долю начинающаго ученика, но и рѣзаніе сигнатуръ, приготовленіе фильтровъ не представляли ничего интереснаго. Я все ждала какихъ нибудь

систематическихъ объясненій, лекцій даже. Вѣдь я поступила ученицей, мнѣ думалось, что ученица должна учиться и работать, понимая и относясь сознательно къ своей работѣ. Обо всемъ томъ, что я видѣла и примѣняла въ дѣло, я постоянно спрашивала, надоѣдала аптекарю, но почти всегда получала отвѣтъ, что «знать теперь этого не надо» или что «потомъ это узнаете». Я сама старалась разсматривать травы, цвѣты и другія снадобья, удивляясь той массѣ названій, которую надо было мнѣ запомнить. Я скоро поняла, что отъ меня требовали только механической работы и больше ничего. Однако первая микстура, сдѣланная мною по рецепту моего отца, доставила мнѣ много удовольствія, тѣмъ болѣе, что она была прописана одной знакомой мнѣ больной женщинѣ, которая, какъ я узнала на слѣдующій день, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, почувствовала себя гораздо лучше и потомъ вскорѣ оправилась.

Я сознавала себя ближайшимъ помощникомъ отца, принесшаго облегченіе ближнему, это было для меня отрадно. Каждый вечеръ возвратившись домой, я дѣлилась моими впечатлѣніями съ отцомъ, очень довольнымъ, что я выбрала спеціальность, которая мнѣ по душѣ.

Но Богу угодно было измѣнить спокойный образъ жизни нашей семьи. Не прошло двухъ мѣсяцевъ моихъ занятій въ аптекѣ, какъ дорогой мой отецъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца...

Это ужасное горе такъ повліяло на меня, что нѣсколько мѣсяцевъ я положительно ничего не могла соображать и если дѣлала что нибудь, то совершенно машинально. Въ аптеку я не ходила. Пришлось заняться хозяйствомъ, укладкой вещей, такъ какъ мать съ младшими братьями и сестрами уѣзжали къ бабушкѣ въ западный край. Я же публиковалась въ фармацевтическомъ журналѣ, упомянувъ, что имѣю свидѣтельство домашней учительницы.

Въ скоромъ времени я получила нѣсколько писемъ изъ разныхъ губерній, гдѣ мнѣ предлагали 10—5 руб., даже ничего въ мѣсяцъ, какъ ученицѣ, съ тѣмъ еще, чтобы заниматься съ однимъ, двумя или больше малышами, кто часъ, кто два, а кто и больше. У всѣхъ видимо на умѣ было одно, очень важное

и заманчивое обстоятельство — имѣть почти даровую учительницу. Я рѣшилась остановиться на первомъ, полученномъ мною письмѣ Г. N. изъ Р-ской губ. Письмо было очень любезно и мило написано. Аптекарь предлагалъ мнѣ 10 руб. въ мѣсяцъ, деньги на проѣздъ отъ Москвы и просилъ позаняться съ его дочуркой два часа въ день, такъ какъ она еще начинающая. Писалъ мнѣ еще, что аптека его сельская, но на дняхъ ждетъ увѣдомленія о переименованіи ея на нормальную и что до моего пріѣзда это будетъ уже сдѣлано. Это обстоятельство было для меня очень важно, такъ какъ практика въ сельской аптекѣ не считается. Бумаги я выслала раньше по его просьбѣ, а спустя нѣсколько дней отправилась и сама.

Это былъ небольшой посадъ на самой желѣзной дорогѣ.

Когда я пріѣхала на станцію и спросила сторожа, взявшаго мои вещи, гдѣ находится извозчикъ, который довезъ бы меня къ аптекѣ, онъ, къ моему удивленію, отвѣтилъ, что здѣсь извощиковъ не полагается, такъ какъ возить некого, а кому надо—свою лошадь имѣетъ, и, взваливъ мою порядочной величины корзину на плечи, предложилъ слѣдовать за нимъ. Хотя это было въ іюнѣ, но, видимо, наканунѣ прошелъ сильный дождь, и грязь была порядочная. Едва я пробиралась по узкой тропинкѣ возлѣ строеній. Издали виднѣлся маленькій домикъ, съ несчастной вывѣской «Сельская аптека». Это меня немного озадачило. Значитъ не переименована еще въ нормальную — промелькнуло у меня. Сторожъ, несшій мои вещи, послѣ продолжительнаго молчанія, заговорилъ: «Вы въ гости изволите къ нимъ пожаловать?». «Нѣтъ, я на мѣсто». «Гувернанткой, стало быть, къ ихней барышнѣ?» «Нѣтъ, въ аптеку лѣкарства приготовлять». Сторожъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво. «Да неушто и взаправду, барышня, да развѣ женскаго ума энто дѣло?». Меня взволновали эти слова, совершенно просто и откровенно высказанныя.

«Что-жъ женщина не человѣкъ, что ли, сѣно въ головѣ вмѣсто мозговъ, не такія хитрости еще понимаютъ». Я оста-

новила свое краснорѣчіе: во первыхъ, полемика эта показалась мнѣ лишней, во вторыхъ, мы были уже близко аптеки.

— Извините, сударыня, мы, значитъ, такъ, по простотѣ своей. Дасъ, вотъ дѣла то пошли, ну, да только вамъ, барышня, здѣсь долго не прожить, не хвалятъ ихъ всѣ.

Мы входили въ заглохшій палисадникъ, окружающій аптеку, и я не могла продолжать разговора и узнать что-нибудь отъ сторожа, хотя фраза, сказанная имъ, меня очень озадачила.

Я открыла дверь; колокольчикъ прозвенѣлъ какъ-то уныло, жалобно и передъ моими глазами представилась аптека, въ которой мнѣ предстояло работать. Это была маленькая, довольно грязная, съ закоптѣвшимъ потолкомъ комната.

Въ ней стояло три шкафа съ полками и на нихъ нѣсколько десятковъ разнокалиберныхъ штанглазовъ подозрительной чистоты. Запахъ кухни наполнялъ атмосферу, заглушая специфическій аптечный. На столѣ, окошкахъ и полу пыли было порядочно и вездѣ валялись заморенныя мухи, нѣкоторыя жужжали отчаянно въ предсмертной агоніи и судорогахъ. Пока я окинула взоромъ всю эту невзрачную картину, сторожъ поставилъ вещи и ждалъ на чай. Расплатившись, я увидала передъ собой маленькую дѣвочку лѣтъ восьми, вбѣжавшую на цыпочкахъ и удивленно смотрѣвшую на меня своими большими красивыми глазами.

— Это вы, моя учительница? спросила она, краснѣя, я Васъ давно жду. Папа ушелъ куда то, а мама въ кухнѣ. Вотъ ваша комната, указала она мнѣ за перегородкой изъ шкафовъ какую то коморку, гдѣ съ трудомъ можно было повернуться. Мы перейдемъ скоро въ новый домъ, ужъ онъ почти оконченъ, щебетала будущая моя ученица. Сегодня у меня большое несчастіе: коршунъ унесъ цыпленочка, такой былъ славненькій.

Я стала разбираться въ своей конурѣ, (иначе нельзя было назвать этого помѣщенія), слушая разсказы маленькой Маруси объ участи несчастнаго цыпленка, но думая больше о своей, которая мнѣ сразу представилась тоже не особенно завидной. Но вотъ явилась и принципальша.

Это была совершенно простая женщина, еще молодая, но съ непріятнымъ выраженіемъ маленькихъ бѣгающихъ глазъ, со

вздернутымъ носомъ, худощавая, черная и маленькая особа, жеманная и, видимо, желающая играть роль настоящей принципальши.

— Я—жена аптекаря, мужъ сейчасъ придетъ; я удивляюсь какъ это онъ васъ не встрѣтилъ, онъ вѣдь съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ, не дождется васъ.-- Послѣдняя фраза, какъ мнѣ показалось, сказана была умышленно и съ ироніей.

— Прошу въ столовую. Самоваръ на столѣ.

Я вышла въ сосѣднюю комнату, также маленькую, гдѣ была столовая и гостиная вмѣстѣ. Только мы усѣлись, какъ явился мой принципалъ видный и довольно симпатичной наружности блондинъ съ саркастической улыбкой на губахъ. Онъ очень сердечно поздоровался со мной и спросилъ меня, въ какой аптекѣ я работала.

— Вотъ мы перейдемъ скоро въ новое помѣщеніе, тамъ будетъ роскошная аптека, у васъ же будетъ чудная комната, недѣли черезъ двѣ, не больше, такъ я думаю.

— А вы получили уже разрѣшеніе на переименованіе аптеки въ нормальную, отослали ли мои бумаги во врачебное отдѣленіе? спросила я аптекаря.

— Нѣтъ еще, но это на-дняхъ, на-дняхъ сдѣлаю, поспѣемъ еще. Знаете, какъ я здѣсь лечу, вотъ поживете, станете у меня знаменитымъ докторомъ.

Этотъ уклончивый отвѣтъ на вопросы, интересующіе меня, очень мнѣ не понравился, но принципалъ мой заговорилъ о своихъ замѣчательныхъ познаніяхъ въ медицинѣ, о громадномъ успѣхѣ, который имѣлъ онъ въ Москвѣ, будучи ученикомъ еще въ одной изъ столичныхъ аптекъ, когда слава излеченія зубной боли какимъ то ему только извѣстнымъ средствомъ дошла до того, что княгини и графини присылали свои кареты за нимъ и платили по 25 и 50 рублей за визитъ.

Онъ распространялся такъ много о своемъ „я“, что вернуться къ интересующему вопросу было неудобно. Жена слушала эту галиматью, смотрѣла то на меня, то на супруга и мнѣ почему-то показалось, что она думала:

— Ишь какъ разсыпается мелкимъ бѣсомъ, понравиться хочетъ, забываетъ, что я здѣсь, жена его. Она то краснѣла, то блѣднѣла, наконецъ, отодвинувъ довольно выразительно чашку,

встала и, сверкнувъ злобно глазами въ сторону мужа, удалилась въ свою комнату, захлопнувъ за собой дверь. Принципалъ съ улыбкой взглянулъ вслѣдъ за уходящей женой, потомъ на меня, пожалъ плечами и произнесъ серьезнымъ, немного грустнымъ тономъ: „Ужасная женщина“.

Маруся пила чай, изъ подлобья глядя то на отца, то на меня. Въ дѣтской головкѣ роились, должно быть, различныя соображенія. Я сдѣлала видъ, что не слыхала его словъ, встала изъ за стола, поблагодарила за чай и ушла въ свою конуру подъ предлогомъ разобрать свои вещи и отдохнуть немного.

Не завидная была моя жизнь въ этой аптекѣ. Принципальша не возлюбила меня съ перваго дня. Оказалось, что она была противъ того, чтобы мужъ выписывалъ ученицу въ аптеку; она была страшно ревнива. Она ревновала его къ каждой деревенской бабѣ, приходящей въ аптеку за лекарствомъ, но она боялась его и долго крѣпилась, не высказывала своихъ подозрѣній, однако долго затаеная злоба, накипѣвшая у нея на сердцѣ, прорывалась потокомъ слезъ, проклятій и угрозъ которыя служили только предметомъ насмѣшекъ благовѣрнаго, находившаго въ этомъ большое удовольствіе.

Я старалась показать ей, что не понимаю ея намековъ, но и такое отношеніе казалось ей подозрительнымъ. Она была увѣрена, что достаточно одного взгляда ея красавца мужа, чтобы побѣдить сердце каждой женщины. Супружескія сцены доходили иногда до того, что въ аптекѣ летали бутылки и банки, и я, сидя въ сосѣдней комнатѣ за уроками съ ученицей, старалась возвышать голосъ, заглушить ругань и крикъ и насколько возможно отклонить вниманіе Маруси отъ всего этого безобразія.

Прошло нѣсколько дней. Погода стояла невыносимо жаркая. Духота была невозможная. Въ тѣсныхъ и низкихъ комнатахъ жить становилось немыслимо, особенно въ моей конурѣ за шкафами. Супруги съ Марусей помѣстились въ сараѣ.

Жара, мухи и, наконецъ, клопы не давали мнѣ покоя. Я рѣшила устроиться тоже на свѣжемъ воздухѣ. За домомъ былъ навѣсъ, подъ которымъ помѣщалась разная ненужная рухлядь: старыя розвальни, колоды, бочки и т. д. Тамъ я рѣшила

устроить себѣ будуаръ. На розвальняхъ я устроила себѣ постель, кругомъ завѣсивъ рогожами. Толстая колода, лежавшая подъ стѣной навѣса, изображала диванъ, низкій прогнившій чурбанъ — табуретку и опрокинутая кверху дномъ бочка — столъ. На землѣ валялось много соломы, которую я прикрыла досками, изображавшими паркетъ. Воздухъ былъ чистъ и прохладенъ, и отъ будуара моего я была въ восторгѣ. Съ вечера я уснула крѣпко, но съ восходомъ солнца меня заставилъ проснуться какой-то невозможный крикъ и шумъ надъ самой моей головой. Я не могла разобрать, въ чемъ дѣло, и каково было мое удивленіе, когда я, поднявъ глаза кверху, увидѣла цѣлое общество куръ и пѣтуховъ, сидящихъ на насѣсти, которую я не замѣтила, устраивая мой будуаръ. Птицы смотрѣли удивленно, поворачивая на стороны головы, на свою непрошенную гостью, я же съ неменьшимъ удивленіемъ глядѣла на моихъ крылатыхъ сожителей. Курицы продолжали свое кудахтанье, а пѣтухи отвѣчали пѣніемъ на пѣніе пѣтуховъ сосѣдней деревни. Я осторожно приподнялась на постели, но, замѣтивъ мое движеніе, вся крылатая компанія переполошилась, начала слетать, бить крыльями, разбрасывая перья и пухъ. Произошелъ такой гвалтъ, что я поспѣшила скорѣе сорвать одну изъ рогожныхъ драпировокъ, чтобы дать возможность удрать моимъ ночлежникамъ и оставить меня въ покоѣ. Все это мгновенно выпорхнуло на дворъ. Однако пѣніе и кудахтанье продолжалось, и такъ близко отъ меня происходилъ этотъ концертъ, что уснуть было невозможно. Солнце силой пробиралось сквозь рогожныя щели, я одѣлась и вышла насладиться чуднымъ іюньскимъ утромъ. Я вышла на улицу, прошла ее до конца; передо мной разстилалось поле, вдали блестѣла рѣчка, а за ней виднѣлась деревня, дальше широкая, привольная степь. Вернулась я съ прогулки, когда солнце было уже высоко и день становился жаркимъ. Было 8 часовъ утра. Эти утреннія прогулки были единственнымъ моимъ удовольствіемъ во все мое кратковременное пребываніе у аптекаря Г.

Спустя двѣ недѣли со дня моего пріѣзда, аптекарь уѣхалъ куда-то на день. Вернувшись, объявилъ мнѣ, что я записана въ аптеку со дня моего прибытія, документы во врачебной управѣ и практика будетъ считаться, хотя аптека еще сельская, но

въ скоромъ времени будетъ нормальная. Инспекторъ же обѣщалъ устроить такъ, что и дня у меня не пропадетъ.

Конечно, несвѣдущая въ новомъ дѣлѣ и довѣрчивая—я не подозрѣвала, что все это была ложь, и успокоилась. Проходили дни за днями. Мы перебрались въ новый домъ. Аптека приняла довольно порядочный видъ, нѣсколько десятковъ новыхъ штанглазовъ, новые шкафы и вообще свѣжая обстановка производили пріятное впечатлѣніе. Но матеріаловъ было мало, нѣкоторые совершенно негодные для употребленія. Это откладывалось для «мужиковъ». Я дѣлала два, три рецепта въ недѣлю, остальные были сочиненія моего принципала, къ которому дѣйствительно обращались за совѣтомъ окрестные поселяне. Съ кого только можно было попользоваться, принципалъ былъ не прочь взять и звонкой монетой, и «натурой», какъ онъ говорилъ. Различные продукты сельскаго хозяйства доставлялись намъ почти ежедневно, и эта мѣна была выгоднѣе, чѣмъ деньгами. Я занималась съ дочкой уже три часа въ день по просьбѣ принципальши, которая иногда приходила въ нормальное состояніе и даже изволила иногда со мной бесѣдовать. Во время моихъ уроковъ, если приносили рецепты, принципалъ не считалъ должнымъ даже сказать мнѣ объ этомъ, и я все больше и больше убѣждалась, что я ничему не выучусь и что не только не буду знаменитымъ докторомъ школы господина Г., но и умѣющимъ работать фармацевтомъ. Я была просто выписана въ качествѣ гувернантки къ дѣвочкѣ за 10 руб. въ мѣсяцъ, даже скорѣе въ качествѣ бонны, такъ какъ я должна была говорить съ ней по французски и гулять послѣ обѣда.

Прошло такъ два мѣсяца, мнѣ нужно было пробыть еще съ мѣсяцъ, чтобы собрать достаточныя деньги на дорогу къ матери, куда я рѣшила ѣхать и оттуда искать уже другого мѣста. Супружескія сцены участились, не проходило ни одного обѣда, чтобы ножъ, вилка или ложка не летали черезъ столъ по направленію одного изъ супруговъ. Приходилось, не докончивъ обѣда, удаляться въ свою комнату во избѣжаніе невзначай получить даровое украшеніе въ видѣ шишки на лбу или фонаря подъ глазомъ. За мной бѣжала бѣдная Маруся, рыдая и прячась въ складки моего платья... Все это было для меня

невыносимо, и я въ одинъ прекрасный день отказалась отъ мѣста, заявивъ, что я ѣду немедленно. Принципалъ возмутился и объявилъ, что я должна послѣ отказа пробыть еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ. Но я повторила еще разъ, что во что бы то ни стало уѣзжаю, тѣмъ болѣе, что я не вѣрю, что аптека его будетъ когда-либо нормальной и что практика мнѣ зачтется (сомнѣнія эти все чаще закрадывались въ мою душу). Не слушая его возраженій, я стала укладывать вещи.

Хотя денегъ у меня было въ обрѣзъ, я рѣшила все-таки удирать. Съ какимъ удовольствіемъ я сѣла въ вагонъ и когда поѣздъ тронулся, я съ трудомъ вѣрила своему счастью,—такъ пріятно было сознаніе, что я свободна и скоро буду далеко отъ тѣхъ людей и мѣстъ, которые были для меня такъ несимпатичны... Документы мои я просила аптекаря выслать въ Х., гдѣ жила моя мать. Пріѣхавъ домой, я долго ждала моихъ бумагъ, писала нѣсколько разъ, но не получала никакого отвѣта.—Наконецъ, я рѣшилась написать инспектору врачебной управы съ просьбой о высылкѣ ихъ. — Я все подробно описала ему.

Какое было мое удивленіе, когда я въ скоромъ времени получила отвѣтъ, что документовъ моихъ тамъ никогда не было и что они, вѣроятно, лежатъ преспокойно въ столѣ у аптекаря N. Инспекторъ, видимо хорошій человѣкъ, входя въ мое положеніе, совѣтовалъ еще разъ потребовать документы, упомянувъ, что я знаю, гдѣ они находятся, и въ случаѣ, если не получу отвѣта, написать ему; онъ тогда возьмется за дѣло. Конечно, я такъ и сдѣлала, но единовременно почти съ высылкой моего письма получила документы съ приложеніемъ письма отъ бывшаго моего принципала, гдѣ онъ выражаетъ свое сочувствіе и соболѣзнованіе, что все время моей практики пропало, такъ какъ инспекторъ почему-то не сдержалъ даннаго раньше слова и зачислить отказался. Эта наглая ложь возмутила меня до глубины души, но я была рада, что вся эта исторія кончилась. Я ничему не научилась, ничего новаго не пріобрѣла, мною воспользовались какъ дешевой учительницей—и только. Года черезъ два я узнала, что г. N. продалъ аптеку за очень выгодную цѣну и опять купилъ гдѣ-то другую. Другіе говорили,

что ему удалось получить нѣсколько привилегій на открытіе новыхъ аптекъ, и онъ эти привилегіи сбылъ за очень высокую сумму. Это былъ типъ афериста-аптекаря, къ счастью не такъ часто встрѣчающійся между фармацевтами. Да, стыдно и больно за такихъ представителей фармаціи, какъ былъ N..

Я была еще аптекарской ученицей; найти мѣсто въ аптекѣ, не занимая должности гувернантки при дѣтяхъ аптекаря, почти было немыслимо. Принять работать женщину въ аптеку боялись, что скажетъ публика: «допустили бабъ стряпать лекарство—напутаютъ, потравятъ, да и гдѣ же имъ справиться, силъ нѣтъ». Отовсюду получались отказы въ разныхъ формахъ. Пришлось обратиться къ самому надежному способу, просить знакомаго врача поговорить съ аптекаремъ уѣзднаго города X. Аптекарь не могъ отказать врачу, врачъ ему былъ полезенъ, онъ жилъ его рецептами. Скрѣпя сердце, послѣ нѣсколькихъ возраженій, онъ согласился принять меня.

Это былъ человѣкъ хорошій, честно относящійся къ дѣлу, но консерваторъ въ высшей степени въ вопросѣ, касающемся женщинъ и женскаго труда. Въ женщинѣ онъ видѣлъ слабое существо, но не человѣка, имѣющаго такое же устройство мозговыхъ клѣтокъ, какъ и мужчина. Онъ не могъ помириться съ мыслью, что женщина можетъ работать наравнѣ съ мужчиной и потому ему все казалось, что всѣ тоже относятся недовѣрчиво къ его аптекѣ, такъ какъ въ ней работаетъ женщина. Допустилъ онъ меня къ работѣ неохотно. Со временемъ онъ долженъ былъ убѣдиться въ ошибочности своего мнѣнія по отношеніи къ женскому фармацевтическому труду, но всегда дѣлалъ видъ, что мирится съ необходимостью, и я это иногда очень чувствовала... Работали мы только вдвоемъ. Аптека, дѣлавшая раньше порядочный оборотъ, теперь падала благодаря конкурренціи съ земской аптекой, съ которой и воевалъ постоянно аптекарь, чтобы не остаться совсѣмъ безъ хлѣба.

Онъ былъ арендаторъ, аренда была довольно высокая, расходовъ много, а работа уменьшалась. Земскій врачъ, человѣкъ

очень недалекій и въ высшей степени корыстолюбивый, желая имѣть больше практики, раздавалъ даровыя лекарства кому попало.

Между кліентами, пользующимися даровой земской копѣйкой, были и купцы милліонеры, и люди со средствами, проигрывающіе свободно сотни въ карты. Кромѣ того открылся въ N. аптекарскій складъ, отпускавшій все, что вздумалось. Публика прямо заявила, что въ магазинѣ даютъ вдвое больше, что аптекарь грабитъ и т. д. Мнѣ были непріятны эти разговоры. я рѣшила повліять на аптекаря удешевить, насколько возможно, ручную продажу, и чтобы сообразоваться съ цѣнами магазина, я послала купить нѣкоторыя вещи, но оказалось, что борьба была невозможная. Давали больше, но такого качества, что аптека наша не рѣшилась бы отпустить. Фальсификація и обманъ играли въ этой лавченкѣ главную роль; разобраться же въ этомъ могъ только человѣкъ свѣдущій. Убѣждать же публику мы считали недостойнымъ себя. Положимъ, были частные случаи, когда наученные опытомъ возвращались къ намъ, но желаніе купить побольше и подешевле всегда, конечно, имѣло свою силу. Владѣтель магазина былъ простой малый, имѣющій свидѣтельство на мастера благовонныхъ дѣлъ изъ тюфячнаго цеха. Изъ своей тюфячной лабораторіи вмѣстѣ съ духами отпускалъ все, что кому Богъ на душу положитъ. Мы знали случаи, что получался безъ препятствія мышьякъ, сулема, опій и т. п. снадобья. Много дѣлалъ зла этотъ знаменитый химикъ и творилъ его безнаказанно. Приготовлялъ онъ и по рецептамъ врачей и фельдшеровъ и тоже для разнообразія лѣчилъ, конечно, бралъ за лекарства такъ, чтобы и за совѣтъ осталась толика, при томъ внушалъ публикѣ, что въ аптекѣ за это-же лекарство паціентъ заплатилъ бы въ три-дорога.

Помню, въ аптеку зашла знакомая мнѣ крестьянка. Передъ домомъ на телѣгѣ осталась десятилѣтняя дѣвочка, державшая на рукахъ своего братишку, который кричалъ благимъ матомъ. Маленькая няня, видимо, не въ силахъ была справиться со своимъ питомцемъ. Крестьянка съ озабоченнымъ лицомъ вынула изъ кармана бутылочку съ мутной водой и плавающимъ на днѣ порошкомъ и деревянную коробочку съ какимъ то

снадобьемъ. «Будь мать родная, — сказала она, подавая мнѣ все это,—заставь за себя Бога молить, глянь-ка, что-то мнѣ дали въ новой аптекѣ (такъ они называли магазинъ). Ишь, сердешный, какъ заливается», прибавила она, глядя въ окно. «Какъ дала я ему энтого изъ коробочки съ конопляное зернушко, какъ велѣлъ мнѣ тотъ аптекарь, какъ отвѣдалъ сердешный, вотъ и угомона нѣтъ. Давай, думаю, зайду въ большую аптеку, что молъ скажутъ, что за лихое снадобье, не вредъ ли ужъ будетъ младенцу. Двугривенный заплатила да десятка два яицъ отдала. Кажется, ничего бы не пожалѣла. Ужъ онъ такъ обнадежилъ меня: хорошо, молъ, дѣвствительно, будетъ, отъ проносу далъ кашки такой да и пойла по три ложечки въ день; всю болѣсть, говоритъ, какъ рукой сыметъ; да вотъ поди-ка, измаялся сердешный кричамши»,—и она опять заботливо посмотрѣла въ окошко. Ребенокъ не переставалъ плакать. Когда я открыла коробочку, меня поразилъ прянный запахъ. По виду снадобье тюфячнаго мастера напоминало слабительную кашку, т. е. напоминало только цвѣтомъ, но кашка разсыпалась, какъ будто бы высохшая и очень давно приготовленная. Я взяла на языкъ, меня зажгло. Тамъ былъ имбирь и перецъ и въ довольно большой дозѣ. Остальныя ингредіенціи узнать было трудно. Ничего удивительнаго, что несчастный ребенокъ не могъ успокоиться послѣ такого угощенія. Водичка мутная, или пойло, какъ называютъ крестьяне, имѣла запахъ лаврово-вишневыхъ капель, порошекъ же нерастворимый былъ, какъ потомъ оказалось, каломель. Я взяла одно и другое и дала ей коробочку слабительной кашки. «Если ужъ ему это лекарство поможетъ, такъ вотъ тебѣ настоящее, по крайней мѣрѣ, а мой совѣтъ обратиться къ доктору, если тебѣ жаль ребенка». «Да неушто не жалко, родима, онъ одинъ у насъ, а дѣвокъ то до пропасти, пусть бы Богъ лучше которую изъ нихъ прибралъ и Христосъ бы съ ней, а парнишку то жалко», и баба прослезилась. «Была я по дохтурамъ въ больницѣ, да толку то мало. Вѣришь ли, родимая, ничего бы кажется не пожалѣла, возьми вотъ хоть трешку, только бы польза была». Я указала ей вольнопрактикующаго врача, пользовавшагося извѣстностью у зажиточныхъ крестьянъ. Баба ушла, приговаривая:

«Эко дѣло-то, эко дѣло. Нехристь, басурманъ, ей Богу, право— прости Господи великое мое согрѣшеніе». И такихъ случаевъ было нѣсколько. Былъ и такой, что мужичку по рецепту врача въ магазинѣ отпустили чистой воды и взяли за это около рубля. Во всякомъ случаѣ, изъ двухъ золъ послѣднее лучшее, по крайней мѣрѣ пострадалъ только карманъ, а не здоровье человѣка. Часто у насъ смотрятъ на эти лавчонки, какъ на несффиціальныя только аптеки, гдѣ лекарства получаются дешевле, забывая, что ими завѣдуютъ люди иногда полуграмотные, не имѣющіе ни малѣйшаго представленія о дѣлѣ, за которое они берутся; что порядки тамъ невозможны; масса запасныхъ лекарствъ безъ надписей, рядомъ съ разсыпаннымъ мышьякомъ и сулемой помѣщается ромашка или малина, тайкомъ готовятся рецепты и въ случаѣ чего прячутся подъ кровать хозяина въ смежную съ магазиномъ комнату. Въ Х., когда я приходила въ аптекарскій магазинъ купить себѣ что нибудь изъ туалетныхъ принадлежностей, имѣвшихся тамъ въ большомъ выборѣ, всегда я заставала врасплохъ за приготовленіемъ рецепта по назначенію вѣроятно врача, фельдшера или можетъ быть комбинаціи самого же химика. Уморительна была фигура толстаго маленькаго хозяина, сконфуженнаго, какъ будто бы пойманнаго на мѣстѣ преступленія, старающагося отвлечь мое вниманіе отъ замѣченной мною незаконной работы, разсыпающагося въ любезностяхъ, превозносящаго достоинства какого-нибудь мыла или духовъ въ то время, когда жена торопливо убирала куда попало разсыпанные по бумажкамъ порошки и что нибудь другое, говоря ожидающему паціенту: «послѣ зайдите» или «подождите». Я даже не понимала, почему я нагоняю такой страхъ, потому только развѣ, что я изъ аптеки, а все, что оттуда происходило, было имъ враждебно, хотя, собственно говоря, могли бы и не быть такія отношенія, если бы совѣсть была чиста и магазинъ пользовался только тѣми правами, какія ему предназначены закономъ.

Но вотъ окончились три года моей ученической практики, и пришло время экзамена на помощника. Я отправилась въ Питеръ, гдѣ пробыла два мѣсяца, готовясь у одного магистра фармаціи, и потомъ выдержала экзаменъ. Я была одной изъ первыхъ женщинъ-фармацевтовъ вообще въ эту конференцію, я была одна женщина между сорока учениками, приступившими къ экзамену. Во все время моей подготовки я имѣла случай познакомиться ближе съ моими товарищами по профессіи, такъ какъ въ аптекѣ не приходилось мнѣ совмѣстно работать. Это была молодежь, по большей части окончившая только 4—5 классовъ, именно неудачники. Помимо такого низкаго уровня образованія, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря своему собственному труду, были люди съ выработаннымъ взглядомъ, люди, которымъ нечужды были литература, новѣйшія научныя открытія и ходъ общественной жизни, преданные своему дѣлу и смотрѣвшіе на фармацію не только какъ на дѣло торговое, приносящее извѣстный барышъ, въ нихъ было что-то идеальное, симпатичное. Къ сожалѣнію, однако, нужно признать, что такихъ было очень немного. Большинство никакъ не смотрѣло на фармацію, никакихъ не воздвигало идеаловъ, никакъ не относилось къ предстоящему экзамену. Изъ нихъ, по большей части, были молодые люди, вырвавшіеся на свободу изъ рукъ принципаловъ, старавшіеся провести время насколько возможно веселѣе. Днемъ за билліардомъ и выпивкой въ трактирѣ, вечеромъ въ театрахъ Неметти, Аркадіи или Ливадіи въ созерцаніи пикантныхъ актрисъ или въ ресторанѣ въ обществѣ такихъ же пѣвицъ или цыганокъ. Менѣе состоятельные или заодно кутили на счетъ счастливыхъ коллегъ или удовлетворялись менѣе стоющими удовольствіями, какъ, напримѣръ, вечерней прогулкой по Невскому, такъ называемой «погоней за душками». И когда эти господа готовились, и какъ потомъ выдерживали, для меня осталось покрыто мракомъ неизвѣстности. Положимъ, нельзя было вполнѣ ставить имъ это въ укоръ. Жизнь въ аптекахъ, особенно въ большихъ городахъ, незавидна. Далеко не всегда гуманное отношеніе принципаловъ, незавидная обстановка, довольно тяжелый физическій трудъ, убивающій всякія проблески духовной жизни, а съ ней стремленія и жажды чего-либо лучшаго, идеальнаго,

все это накладываетъ неизгладимую печать отчужденности, угнетенія, разочарованія, даже враждебнаго отношенія къ дѣлу, иногда черстваго эгоизма.

Чаще всѣхъ бывали у меня двое. Одинъ, маменькинъ сынокъ, всегда хорошо одѣтый, надушенный, съ прической съ кривымъ проборомъ, въ пенснэ, съ тросточкой. Другой трудящійся, малоспособный, но очень хорошій малый, сынъ бѣднаго чиновника. Странно, они были друзья, помимо различій взглядовъ, понятій и привычекъ. Тихій, но съ выработаннымъ характеромъ и взглядами, Ивановъ имѣлъ вліяніе на маменькинаго сынка, слабохарактернаго, избалованнаго Штума. Онъ не разъ удерживалъ его отъ излишнихъ удовольствій и, если правду сказать, то, благодаря своему товарищу и другу, Штумъ позанялся и выдержалъ отлично экзаменъ. Служили они раньше вмѣстѣ въ одной изъ столичныхъ аптекъ.

Изъ разсказовъ и воспоминаній, которыми они дѣлились охотно, я познакомилась съ жизнью служащихъ фармацевтовъ. Много тамъ грустнаго, жалкаго, но и курьезовъ не мало.

Особенно словоохотливъ былъ Штумъ. Бывало, сижу въ моей маленькой, но уютной комнаткѣ на Литейномъ и занимаюсь. На столѣ шумитъ самоваръ, поетъ монотонную пѣсенку свою, какъ дождь на дворѣ въ эти осенніе, ненастные петербургскіе дни. Отбросишь, бывало, химію или фармакогнозію, сядешь и забудешься. Далеко, далеко уйдешь съ думами въ невѣдомый міръ будущаго, и вдругъ стукъ въ дверь и свѣжіе радостные голоса: „Коллега дома? можно войти?“ Это Штумъ и Ивановъ. Нѣсколько минутъ спустя мы уже повторяемъ химію, другъ друга переспрашиваемъ, заучиваемъ какія нибудь окиси или закиси ртути или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но это продолжается не долго, коллеги заявляютъ, что они пришли ко мнѣ „душу отвести“, и болтаютъ безъ умолку, разсказываютъ всѣ свои похожденія.

Помню, разъ вечеромъ явились эти неразлучные друзья. «Знаете, коллега, у насъ денегъ ни синя пороха, какъ говоритъ русскій мужикъ, и мы сегодня безъ обѣда. Положимъ, Ивановъ ждетъ завтра повѣстки отъ батьки на 10 руб. ну, значитъ, и у меня обѣдъ завтра будетъ, lege artis наѣдимся въ ожиданіи

будущаго благополучія въ видѣ повѣстки на мое имя, болѣе солидной содержимости. Но это, къ несчастью, завтра, а сегодня премерзко себя чувствуемъ». Я предложила хлѣбъ, свѣжее масло, присланное мнѣ изъ деревни, и теплыя сосиски. «Помнишь, Ивановъ»—спросилъ Штумъ и, уплетая за обѣ щеки, онъ продолжалъ: «Служили мы въ аптекѣ у одного нѣмца. Нѣмецъ аккуратнѣйшій, ну и скупъ аккуратно. Кормилъ насъ невозможно, и порціи микроскопическія—аккуратныя. Возьмешь въ ротъ, проглотишь, и на тарелкѣ обнаруживается непріятная пустота, а въ желудкѣ того хуже. Конечно, послѣ такой трапезы аптечнаго Семку за бока, двугривенный или полтинникъ (смотря по карманнымъ обстоятельствамъ) въ зубы, живо! На одной ногѣ маршъ! сосисокъ и хлѣба! (хозяинъ въ это время обѣдаетъ со своей Клархенъ всякія бламанже и фрикасе). – На столѣ появляется aqua vitae со всякой приправой; мы что угодно смастерить умѣли—и всякіе ликеры, бенедиктины, шартрезы, все что вздумается, это въ мигъ, мармеладничать некогда было. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Принесъ, значитъ, Семка сосиски и хлѣба полъ-ковриги, вмѣсто солонки появился штанглазъ съ хлористымъ натріемъ (соль). Спѣшимъ, не пережевывая глотаемъ, запивая божественнымъ нектаромъ; всѣ столпились, одинъ дежуритъ въ аптекѣ. Вдругъ слышатся знакомые шаги. Мыши кота почуяли. Въ одинъ мигъ все исчезаетъ. Но вотъ одинъ изъ нашихъ, особенный охотникъ до сосисокъ, засунулъ руку съ сосиской въ банку съ солью; заслышавъ шаги, высовываетъ второпяхъ руку, закрываетъ штанглазъ, и какъ ни въ чемъ нн бывало, ставитъ его на мѣсто. Проходитъ нѣсколько дней. Въ аптеку является какой-то господинъ. «Имѣется-ли у васъ чисто-химическая соль, мнѣ немного надо, для одного опыта, унца два, не больше, но самой чистой, пожалуйста»,— обращается онъ къ принципалу. «Есть, какъ-же, есть, химически чистая, покажу вамъ»,—онъ взялъ съ полки штанглазъ съ хлористымъ натріемъ, открылъ его, чтобы преподнести къ носу покупателя, какъ вдругъ взглядъ его останавливается на содержимомъ въ банкѣ, рука вздрагиваетъ, лицо багровѣетъ, въ нашу сторону направляется молніеносный взглядъ, онъ быстро закрываетъ банку и ставитъ на столъ. «Это не то. Подайте

изъ матеріальной большой штанглазъ съ natrum chloratum». Предварительно открывъ и осмотрѣвъ, онъ преподноситъ его покупателю. «Хорошо, хорошо, такъ унца два прошу». Отпустили, покупатель уходитъ.

Всѣ въ недоумѣніи смотрятъ то на принципала, то на штанглазъ. Принципалъ беретъ его въ руки, и, о ужасъ, вынимаетъ оттуда кусокъ забытой въ тороляхъ сосиски. «Что это»? кричитъ онъ въ безсильной злобѣ. Колбасъ можете въ ресторанъ кушать, а не въ мой апотекэ. Кто смѣлъ?!» (когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ не могъ правильно говорить по русски). Долго кричалъ онъ, допрашивалъ, кто смѣлъ тронуть штанглазъ, бѣгалъ съ замаринованной сосиской, преподнося ее почти къ самому носу каждаго изъ насъ, но, конечно, виновнаго не оказалось. Исторія, я вамъ доложу, на первый сортъ. Ну и смѣху же было не мало»...

Я слушала эти разсказы, смотрѣла на улыбающееся красивое лицо Штума, на широкорасплывшуюся, добродушную физіономію Иванова. Видимо, что они «отводили душу», рады, что нашли слушательницу. Такія продѣлки и тому подобныя, конечно, были курьезны, но были и другія, далеко не симпатичныя и не особенно хорошо рекомендующія служащихъ фармацевтовъ. Изъ всего услышаннаго мною я вывела такого рода заключеніе, что аптека и служащіе — это въ большинствѣ случаевъ два враждебныхъ лагеря. Тѣ и другіе во многомъ виноваты: принципалы — своимъ безучастнымъ отношеніемъ къ своимъ младшимъ товарищамъ, на которыхъ они иногда смотрятъ, какъ только на наемную рабочую силу, которую можно эксплоатировать. Служащіе же, въ свою очередь, и очень часто, виновны передъ принципалами своимъ халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу или, лучше сказать, къ интересамъ хозяина, отношеніе, въ которомъ иногда проявляется недостатокъ уваженія къ чужой собственности. Поступаютъ они часто такъ, не подозрѣвая, что они дѣлаютъ, глядя на другихъ: среда здѣсь, какъ и вездѣ, положимъ, имѣетъ громадное вліяніе. Конечно, такихъ немного, но желательнѣе было бы не имѣть ихъ совсѣмъ.

Но вотъ экзаменъ сошелъ и сошелъ благополучно.

Я хотѣла поступить на земскую службу, гдѣ я могла бы пользоваться большей свободой или куда-нибудь въ большую аптеку, гдѣ можно было бы хоть чему выучиться. Я опять вернулась въ Х.

Я туда пріѣхала погостить къ моему другу, женщинѣ врачу, служащей тамъ въ земствѣ. Я съ ней познакомилась, когда служила въ аптекѣ, и такъ полюбила эту чудную, рѣдкую женщину, что первая моя мысль послѣ окончанія экзамена это было повидаться съ ней и посовѣтоваться насчетъ будущаго.

Я закончила осенью. Въ Х. только что закрылось земское собраніе, на которомъ рѣшенъ былъ вопросъ пригласить фармацевта работать въ земской аптекѣ; предложили мнѣ. Я съ радостью согласилась. Во-первыхъ, я хотѣла попробовать новую службу, во-вторыхъ, мнѣ представилась возможность служить вмѣстѣ съ моимъ дорогимъ докторомъ даже не только въ одномъ земствѣ, но работать въ одной больницѣ. Она мнѣ предложила у себя столъ и квартиру.

Я пробыла въ Х. на земской службѣ почти два года, и въ это время, въ которое мы съ ней прожили не мало горестныхъ и радостныхъ минутъ, останется навсегда для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній моей жизни.

И такъ я въ земствѣ. Завѣдующій врачъ, подъ надзоромъ котораго была и аптека, какъ и вездѣ, гдѣ нѣтъ провизора, былъ тотъ самый несимпатичный, недалекій человѣкъ, съ которымъ мой принципалъ аптекарь имѣлъ столько непріятностей.

Я работала въ аптекѣ не одна, мнѣ даны были въ помощь два фельдшера, фельдшерица и въ большіе пріемы помогала и акушерка; но въ фармаціи они понимали очень мало или вовсе ничего. Дѣла было порядочно, конечно, на мою долю приходилась большая часть, а также лабораторія, заготовка. Заранѣе приготовлялись по извѣстному шаблону сотни порошковъ, пилюль, супозиторіи и т. д., но запасъ скоро исчезалъ: во-первыхъ, много требовалось, во-вторыхъ, фельдшера, имѣющіе практику въ городѣ, дарили своихъ паціентовъ земскимъ лекарствомъ.

Итакъ, работы было много, но часто не получалось того, что должно было ожидать. Да иначе и быть не могло, если принять во вниманіе, что въ какіе-нибудь 3—4 часа нужно было отпустить 100—150 рецептовъ, состоящій почти каждый изъ 3—4 медикаментовъ, которые нужно отвѣсить, растворить, размѣшать и т. д. Кромѣ того, нужно записать въ книгу, выдавая лекарства объяснить каждому, что дѣлать съ нимъ, отвѣчать на всѣ нелѣпые вопросы крестьянъ, вродѣ того: принимать ли въ отварной водѣ и сколько ее, наливать ли въ рюмку или въ стаканъ?

Бывало дашь пилюли и толкуешь, какъ принимать.

— «Опять бирюли, я говорила не надо, ужъ я бирюли принимала и толку нѣтутка, родима»...

И всю эту работу приходилось выполнять съ помощниками, изъ которыхъ то фельдшеръ не зналъ разновѣса и каждый разъ бѣгалъ ко мнѣ за справками, а другой, изъ новоприбылыхъ, совсѣмъ не могъ разобрать рецепта. Бывало и такъ, что сама только работаешь, такъ какъ докторъ любилъ поразгонять всѣхъ, какъ гончихъ, во время пріема, кого въ деревню, кого къ своему частному больному. Тогда ужъ совсѣмъ неинтересно. Не разъ сердце сжималось, глядя на бѣдняка, который, можетъ быть, едва собрался съ силами и деньгами нанять лошаденку у сосѣда и пріѣхать въ больницу, или тащился пѣшкомъ за какія-нибудь 15—20 верстъ, и его кой-какъ осмотрѣли, въ виду массы больныхъ, и кой-какъ, по той же причинѣ и недостатку рабочихъ умѣлыхъ рукъ, приготовили лекарство и вѣдь не даромъ, а за 15 коп. и за посуду что-то. Ничего удивительнаго, что мужичекъ, получивъ лекарство изъ больницы, заходитъ еще въ аптеку и покупаетъ про запасъ какое-нибудь снадобье по совѣту тетки Ѳеклы или кумы Акулины, которая вылечила какого-нибудь Кузьму или Ивана отъ такой «нутряной грыжи». Грыжа тамъ было общее названіе для всѣхъ болѣзней. Грыжа въ рукѣ, въ ногѣ, грыжа въ головѣ, грыжа къ сердцу подвалила, комкомъ въ животѣ перекатывается, огнемъ нутро печетъ, подъ ложечкой сосетъ.

Всего возмутительнѣе было для меня то,—когда во время пріема приносили еще рецепты по частной практикѣ нашего

врача, который не стѣснялся и въ это время разрѣшалъ приходить за лекарствомъ въ «свою больницу». Иногда подъѣзжала коляска съ разодѣтыми въ пухъ и прахъ барынями, чтобы получить за 15 коп. нѣсколько лекарствъ и отнять у насъ время, которое всецѣло должно было принадлежать бѣдному мужику.

Меня всегда удивляла та безцеремонность, съ которой пользовались тѣмъ, на что не имѣлось ни малѣйшаго права. Въ понятіяхъ публики благодѣтелемъ является тутъ единственно милый, любезный докторъ, разрѣшающій посылать за лекарствомъ въ свою больницу. Интересы частныхъ аптекъ, конечно, могутъ отойти на задній планъ, въ виду серьезности общественной задачи, преслѣдуемой земствомъ; но вѣдь, полагаю, должны же соблюдаться и интересы бѣднаго народа, которые и создали идею земства.

Все это вмѣстѣ взятое постоянно меня волновало.

Конечно, я не скрывала моего взгляда на такого рода несимпатичную постановку дѣла и не разъ громогласно въ обществѣ изъявляла свое мнѣніе, что не могло понравиться моему начальнику, преслѣдующему лишь свои чисто эгоистическія цѣли. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ у недалекихъ субъектовъ все сводится къ своему «я» и личнымъ интересамъ, то врачъ видѣлъ въ этомъ лишь только затронутое его личное достоинство, и такое положеніе дѣла должно было кончиться тѣмъ, что я ушла изъ земства.

Но были и отрадныя минуты, которыя съ удовольствіемъ вспомнишь. Это наши поѣздки въ деревню съ женщиной-врачемъ. Ихъ было немного, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ приходилось брать съ собой фельдшера для произведенія дезинфекціи или исполненія другихъ обязанностей, которыхъ я не могла принять на себя.

Помню, разъ въ началѣ іюня, кажется, пришла бумага съ командировкой на эпидемію коклюша въ одну изъ дальнихъ деревень участка, въ Сосиновку Забравъ свой походный ящикъ со всѣми предполагаемыми ингредіенціями, послѣ пріема больныхъ и обѣда, усѣлись мы въ небольшой земскій экипажъ, запряженный парой лошадокъ, и, проѣхавъ пыльныя улицы

города, очутились на просторѣ посреди полей съ зелеными еще колосьями ржи и луговъ, испещренныхъ цвѣтами.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы приблизились къ деревнѣ, за которой виднѣлось на большомъ разстояніи село съ блестящими куполами двухъ церквей. Отъ этого села до Сосиновки считали 8 верстъ. Мы въѣхали въ деревню, гдѣ былъ храмовой праздникъ. Было людно и шумно. Старые и малые высыпали на улицу; вездѣ слышались веселые звуки гармоніи, хороводныя пѣсни дѣвокъ, разгульныя веселыхъ парней или кой-гдѣ дикая, фальшивая нота охрипшаго пьянаго мужика.

Все это смѣшивалось со смѣхомъ, визгомъ и крикомъ ребятъ, бѣжащихъ за нами въ догонку съ требованіемъ «копѣечки». Все это нѣсколько разъ мелькнуло, прозвучало, раздалось далекимъ эхомъ и исчезло, замѣняя картину деревенскаго праздника видомъ темнаго, дышущаго чуднымъ ароматомъ и прохладою сосноваго лѣса.

Но вотъ и Сосиновка. Заслышавъ издали колокольчикъ, громада чумазыхъ босоногихъ ребятъ ринулась открывать скрипучія ворота. «Здраствуйте»—кричали всѣ въ одинъ голосъ.

Я бросила горсти двѣ приготовленныхъ конфектъ. Все это кинулось подбирать ихъ съ радостнымъ крикомъ и визгомъ, толкаясь, кувыркаясь и припадая съ жадностью къ неожиданному подарку.

Проѣхавши нѣсколько, мы остановились, чтобы разспросить, гдѣ изба старосты. Толпа ребятъ бѣжала уже за нами. Одинъ изъ мальчугановъ указалъ намъ новую избу съ рѣзными украшеніями и палисадникомъ.

«Вотъ старосты, дяди Митяя, изба, гдѣ три березы большія, вишь въ палисадникѣ-то, кудрявыя». «Ладно, пошли. Эхъ, вы любезныя»! Ямщикъ дернулъ возжами и черезъ нѣсколько секундъ мы были уже передъ избой старосты, сопровождаемыя той же свитой. Мы стали выгружаться. «Дохторица пріѣхала». слышалось въ толпѣ, «а энта другая съ ней, акушерка что-ли»? Откуда то выросли двѣ старухи съ ребятами на рукахъ, а потомъ еще и еще прибавлялось народу. «Степка, а Степка, энту вѣдь я видѣлъ, когда съ батькой ѣздилъ третевось въ больницу, пойло мнѣ готовила». «Это аптекарша, стало-быть,»

отвѣтилъ басистый голосъ Степки. Изъ огорода выбѣжала молодая баба, хозяйка, и пригласила насъ въ избу. Она нѣсколько разъ была въ больницѣ и знала въ лицо дохторицу. Вошелъ и хозяинъ, дядя Митяй, въ красной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ загорѣлую грудь, онъ видимо отдыхалъ послѣ полудня на сѣновалѣ или въ сараѣ, о чемъ свидѣтельствовали остатки сѣна на взъерешенной головѣ. «Вы здѣсь староста»? спросила женщина врачъ «Точно такъ, сударыня». Мы входили въ обширную и свѣтлую избу. «Сколько у васъ тутъ больныхъ»? «Душъ сорокъ, сударыня, почесь всѣ ребята. Замаяли насъ, силъ нѣтъ и у насъ вотъ тоже всѣхъ троихъ захватило. Матрена! согрѣй-ка самоварчикъ, дорогихъ гостей чайкомъ угостить».

Матрена засуетилась, но мы отказались отъ чаю, утоливъ жажду кружкой квасу, такъ какъ работы предстояло много, а времени было мало; распорядились только оповѣстить всѣхъ о пріѣздѣ врача и согрѣть нѣсколько самоваровъ для приготовленія лекарста. Оказался у Матрены горшокъ кипяченой воды, да еще поставили два самовара, имѣющіеся только на лицо во всей деревнѣ, былъ еще и третій и, по словамъ какой-то тетки Ѳеклы, очень хорошій, да только безъ крана и съ маленькой потечиной.

Амбулаторію устроили въ избѣ, которая мигомъ наполнилась народомъ, и пришлось съ трудомъ водворить порядокъ, такъ какъ каждый желалъ быть первымъ.

Я помѣстилась въ саду, гдѣ на столѣ и скамейкѣ устроила импровизированную аптеку. Начался пріемъ. Осмотрѣнные больные приходили ко мнѣ за лекарствомъ. Вечеръ былъ чудный. Небо почти безоблачное, солнце пропекало порядочно, и мало охлаждала тѣнь, падающая отъ березъ. Принесли кипяченую воду не особенной чистоты, ну да ужъ тутъ разбирать было не время. Хуже обстояло дѣло съ посудой. Бабы несли всякія банки и стклянки по большей части изъ-подъ—«Богова масла», попадались въ нихъ тараканы и клопы, но нельзя было увѣрить, что посуда негодна. «Чистая, родима, намъ мужикамъ сойдетъ, не бары, не взыщемъ». Я выбрала двухъ изъ старшихъ дѣвочекъ и попросила ихъ заняться мытьемъ посуды съ помощью

песка и теплой воды, вручая чистую кому слѣдуетъ. Дѣвочки оказались смышленыя, шустрыя и съ сосредоточеннымъ дѣловымъ видомъ быстро выполняли эту работу, видимо довольныя возложенной на нихъ обязанностью, выдѣляющей ихъ изъ числа другихъ. Приволоклись откуда-то еще трое глухихъ нищихъ и, пробравшись всѣми силами ко мнѣ, принимая меня за дохторицу, просили дать имъ какого нибудь снадобья, разсказывая свои недуги, изъ которыхъ кажется главнѣйшимъ и неизлечимымъ, къ несчастью, была глубокая старость. Не помогло мое заявленіе, что я не докторъ, что здѣсь у насъ нѣтъ всѣхъ лекарствъ, они до тѣхъ поръ не успокоились, пока имъ не дали какихъ то пустячныхъ капель, которыя они взяли съ благоговѣніемъ, разспросивъ предварительно въ довольно продолжительномъ діалогѣ, какъ ихъ принимать, и, завернувъ пузырьки съ цѣлительнымъ снадобьемъ въ нѣсколько рваныхъ тряпокъ, удалились, желая мнѣ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ. Нѣсколько часовъ продолжался пріемъ.

Солнце уже скрывалось за лѣсъ, освѣщая послѣдними ярко-красными лучами красивую новую избу дяди Митяя съ кудрявыми березками, группу крестьянъ, импровизированную аптеку и, отражаясь заревомъ въ стеклахъ оконныхъ рамъ, врывалось въ открытое окно избы, озаряя симпатичную фигуру врача-труженицы, ея усталое лицо, ежеминутно почти склоняющееся надъ больнымъ ребенкомъ или рецептомъ.

По мѣрѣ того, какъ сверкающій дискъ солнца все болѣе и болѣе скрывался за лѣсъ, блескъ его все болѣе становился багровымъ, весь небесный сводъ залился краснымъ цвѣтомъ и вся деревня точно погрузилась въ этотъ золотой пурпуровый свѣтъ... Пріемъ окончился, и моя работа тоже. Мы порядочно устали, и намъ такъ хотѣлось домой, что, отклонивъ приглашеніе гостепріимныхъ хозяевъ отпить съ ними чаю, мы, собравъ всѣ свои пожитки, провожаемыя цѣлой толпой паціентовъ, тронулись въ обратный путь. Жара спала, лошади бѣжали шибче, и мы не оглянулись, какъ были уже дома.

Оставивъ земскую службу, я подала объявленіе о мѣстѣ и получила очень много приглашеній. Нѣкоторые просили прислать фотографическую карточку, которая, видимо, должна была играть главную роль для желающихъ выписать меня. Были и предложенія вступить въ законный бракъ и такимъ путемъ исполнять и должность помощницы въ общемъ дѣлѣ. Конечно, предупреждалось прислать заранѣе карточку во избѣжаніе критическаго положенія жениха, встрѣтившаго неожиданно какую-нибудь непотребную рожу вмѣсто писанной красавицы. Положимъ, такого содержанія писемъ было очень мало. Изъ столичныхъ и губернскихъ городовъ не было ни одного запроса. Въ одной изъ столичныхъ аптекъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, желающій доставить мнѣ кондицію, получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ: «Мы женщинъ къ намъ не пускаемъ».

Въ концѣ концовъ, я выбрала одну изъ аптекъ большого уѣзднаго города М., находящагося не особенно далеко отъ Х. Первое впечатлѣніе, полученное мною, было крайне неопредѣленное. Принципалъ казался замѣчательно любезнымъ, предупредительнымъ, но эта любезность съ самаго начала уже была какой-то приторной, неискренней. Это былъ человѣкъ уже не молодой, небольшого роста, сутуловатый, съ выбритымъ желтымъ, сморщеннымъ лицомъ, мышиными усиками и непріятными глазами.

Перемѣна служащаго въ аптекѣ (а это, какъ я узнала потомъ, бывало не рѣдко) была для него событіемъ, очень важнымъ и особенно удручающимъ, такъ какъ, отвыкши совсѣмъ отъ дѣла, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ выручки, онъ положительно былъ въ своей аптекѣ, какъ въ лѣсу. Онъ до того суетился, пыхтѣлъ и бѣгалъ изъ одного угла въ другой, что жалко и смѣшно было глядѣть на него. Работа у него не спорилась, и публикѣ приходилось долго ждать. Первую недѣлю мы работали вмѣстѣ. Хотя въ этомъ городѣ было нѣсколько аптекъ, но дѣла въ нашей хватало на двоихъ. Въ концѣ второй недѣли хозяинъ мой сталъ испаряться, и въ концѣ концовъ, спустя еще нѣсколько времени, его и слѣдъ простылъ. Утромъ просиживалъ въ своихъ аппартаментахъ съ дѣтьми и женой, которая не особенно благоволила къ своему благовѣрному, предпочитая молодого вертляваго офицерика, считавшагося «другомъ дома»

и лобызавшаго съ особеннымъ причмокиваніемъ довѣрчиваго хозяина. Остальное время принципалъ пребывалъ въ аптекарскомъ магазинѣ, находящемся на слѣдующей улицѣ. Тамъ коротал время за дѣловой корреспонденціей, чтеніемъ газетъ и разговорами съ знакомыми. Это былъ своего рода сборный пунктъ, гдѣ всегда можно было найти нѣсколько человѣкъ, которые отъ нечего дѣлать заходили поболтать съ Петромъ Карловичемъ, завѣдующимъ магазиномъ. Петръ Карловичъ — человѣкъ пріятной и очень представительной наружности, напоминающій скорѣе какого-нибудь сановника, чѣмъ несчастнаго фармацевта — неудачника... Да, это былъ дѣйствительно пасынокъ злой судьбы. Въ высшей степени добрый, честный, всецѣло посвятилъ себя съ юныхъ лѣтъ матери съ многочисленнымъ семействомъ, которому помогалъ, насколько позволяло его скудное жалованье. Помогалъ потомъ и племянникамъ даже своимъ. Такимъ образомъ, забывая себя, не имѣя возможности что-нибудь отложить и кончить на провизора, остался бобылемъ на всю жизнь и, живя здѣсь уже много лѣтъ, приросъ къ своему магазину. Жители N. помнили давно этого неутомимаго труженика, помнили еще молодымъ, полнымъ жизни, но всегда скромнымъ и добросовѣстнымъ юношей, а потомъ видѣли его усталымъ, апатичнымъ, работающимъ почти машинально, съ красивымъ еще, хотя изнуреннымъ лицомъ и большой просѣдью.

Удобствъ въ аптекѣ положительно никакихъ я не имѣла, комната была у меня въ третьемъ этажѣ, рядомъ съ чердакомъ, на которомъ сражались цѣлые батальоны крысъ. Въ комнатѣ пахло нежилымъ, зимой было 6 даже 5 градусовъ тепла и постоянный угаръ отъ печки, накаливавшейся, но не дававшей тепла. Дверь вела прямо на холодную лѣстницу. Особенно имѣло это свою прелесть, когда приходилось ночью со сна вскакивать и спускаться внизъ въ аптеку. Я видѣла свою комнату только ночью, днемъ не приходилось туда заглянуть. Очень хорошо относились ко мнѣ врачи, почти всѣ милые и симпатичные люди, я познакомилась съ ихъ семьями, и пріятно вспомнить тотъ радушный пріемъ, которымъ я всегда у нихъ пользовалась. Особенно милое было семейство военнаго врача, гдѣ я проводила свои свободные вечера.

Какъ къ фармацевту, они относились ко мнѣ съ полнѣйшимъ довѣріемъ, считая фармацію подходящимъ дѣломъ для женщинъ.

Публика тоже съ удовольствіемъ видѣла женщину фармацевта въ аптекѣ, хотя съ начала это представляло новинку. Вѣсть, что въ одной изъ аптекъ работаетъ женщина, разошлась скоро, и съ начала моего тамъ пребыванія я была предметомъ обсерваціи и особенно по вечерамъ.

Аптека помѣщалась на самомъ бойкомъ мѣстѣ, окна были громадны, освѣщеніе порядочное, и я какъ на сценѣ. Конечно, продолжалось это недолго, привыкли къ этому рѣдкому явленію, и все пошло своимъ чередомъ. Работы было очень много, отъ 15 до 30 рецептовъ въ день, кромѣ лабораторіи и по ручной продажѣ. Что я сама работаю, сначала нравилось мнѣ. Но, спустя нѣкоторое время, я стала страшно уставать. Я уставала не только физически, но и нравственно. Мнѣ хотѣлось полюбить мое дѣло, я искала въ немъ то, что могло меня удовлетворить, и я не находила. Это была какая-то спѣшная механическая работа, не всегда даже вполнѣ аккуратная поэтому, и больше ничего. Я не разъ наблюдала моего принципала и убѣждалась каждый разъ, какъ мало его интересовала аптека.

Можетъ быть, я слишкомъ строга въ моихъ требованіяхъ, но я искала человѣка науки, а не ремесленника.

Четырнадцатичасовой трудъ безъ отдыха не могъ не отразиться на моемъ, хотя и довольно сильномъ организмѣ. У меня появились сильныя головныя боли, слабость въ ногахъ. Я отказалась отъ мѣста, пробывъ больше полугода, и поѣхала отдохнуть на мѣсяцъ къ роднымъ, откуда получила кондицію въ Малороссію.

Но вотъ я въ Малороссіи, въ этой странѣ, воспѣтой поэтами. Давно я мечтала познакомиться съ родиной Олексы, Гапки и Маруськи, услышать ихъ чудные мотивы заунывныхъ, задушевныхъ пѣсенъ, увидѣть живописные наряды. Дѣйствительно, я все это увидала и услыхала, но какъ далеко это все было отъ того, что я себѣ воображала. Чудныя пѣсни остались только въ нотахъ, а всѣ эти Ульяны и Оксаны съ ихъ идилліей отошли

въ область легендъ. Остались симпатичны однѣ ихъ хатынки, всегда „гарно“ выбѣленныя внутри и снаружи, съ соломенными крышами и вишневыми садиками съ традиціоннымъ подсолнышемъ.

Мѣстность, въ которую меня судьба закинула, былъ маленькій уѣздный скучный городокъ, положимъ, полный зелени, простора и того деревенскаго приволья, которое можно найти въ захолустьи, гдѣ ходить можно, полураздѣвшись, не встрѣтивъ иногда по цѣлымъ часамъ ни души, кромѣ двухъ, трехъ собакъ, пѣтуха, да курицъ; гдѣ съ восьми часовъ утра, послѣ окончанія базара, городъ представлялъ изъ себя мертвое царство. Тишину иногда нарушаетъ шумъ телѣги, запряженной волами, на которой сидитъ меланхолическій хохолъ въ своей лохматой бараньей шапкѣ или соломенной шляпѣ, или же промчавшійся въ столбѣ пыли экипажъ помѣщика, заставившій болѣе любопытныхъ высунуть голову изъ открытыхъ оконъ. По вечерамъ, въ чудную лѣтнюю погоду, жители города, какъ бы устыдясь, что они сегодня не проявляли ни малѣйшихъ признаковъ жизни, выползали на улицы и гуляли при свѣтѣ серебристой луны, особенно въ субботу копошилось болѣе обыкновеннаго этихъ снующихъ фигуръ, такъ какъ населеніе было преимущественно еврейское. Въ общественномъ собраніи горитъ огонекъ, и на зеленомъ полѣ сражаются въ винтъ сливки мѣстной интеллигенціи. Но большей частью и тамъ пусто, и къ десяти часамъ вечера все и всѣ находятся въ объятіяхъ морфея. Въ четыре часа утра зато городъ просыпается съ пѣніемъ пѣтуховъ, съ ревомъ коровъ и хрюканіемъ свиней, отправляющихся на пастбище, просыпается, чтобы посуетиться за день, каждый въ своей конуркѣ, и опять дождаться блаженнаго отдыха. Въ этомъ то захолустьи я вполнѣ отдохнула. Здѣсь я нашла настоящаго представителя фармаціи, какого я желала видѣть давно. Аптека была такъ хорошо устроена, что я была удивлена увидѣть что-нибудь подобное въ глухой провинціи; тѣмъ болѣе меня удивляло, что это была аренда. Не было тутъ изящной, красивой обстановки, все было просто, но все было обдуманно, аккуратно. Чистота была безукоризненная; при аптекѣ имѣлась женская прислуга, которая, то и

дѣло, мыла да чистила. Полное было довѣріе и уваженіе къ аптекарю, прожившему здѣсь болѣе четверти вѣка. Я теперь только увидѣла, какъ мнѣ много не доставало еще, чтобы быть настоящимъ фармацевтомъ. Работали мы вдвоемъ. Дѣла было мало, такъ что я находила много свободнаго времени для чтенія и отдыха. Аптекарь былъ другомъ женскаго труда. Я смѣнила тоже женщину фармацевта, работавшую здѣсь въ продолженіи двухъ лѣтъ. „Спокойнѣе какъ-то съ бабьемъ"—шутилъ онъ,—„да ужъ моя жизнь такая, все окруженъ бабами". Замѣчательно добродушная и симпатичная была наружность аптекаря. Пожилой, небольшого роста, полный, съ кроткимъ, застѣнчивымъ немного, взглядомъ изъ подъ очковъ въ черной черепаховой оправѣ, съ большой просѣдью и порядочной лысиной, онъ производилъ на каждаго впечатлѣніе замѣчательно миролюбиваго и тихаго человѣка. Такимъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ и для семьи, и для служащихъ, и въ отношеніи всѣхъ постороннихъ. Жена его, премилая, веселая говорунья, женщина съ тактомъ, остроумная и находчивая, вела весь тонъ дома. Дочь, единственное, обожаемое родителями, дитя, молодая барышня, такъ же тиха и застѣнчива, какъ отецъ. Вотъ семья, въ которой мнѣ пришлось жить. Я полюбила ихъ всей душой и съ каждымъ днемъ убѣждалась, что ихъ стоитъ любить и уважать.

Принципалъ мой былъ всей душой преданъ своему дѣлу. Трудясь болѣе тридцати лѣтъ въ этой глухой провинціи, онъ обладалъ ничтожными средствами, но онъ довольствовался тѣмъ, что судьба ему послала, жилъ не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Никогда не слышала я его жалующимся на дѣла. За послѣднее время особенно дѣла ухудшились съ введеніемъ земскаго леченія. «Кому теперь легко живется, развѣ только капиталисту»—говорилъ онъ часто—«что Богъ дастъ, то и будетъ». Иногда выдавались деньки, что, положительно, работы не было. «Что-то сегодня олимпійскіе боги прогнѣвались на насъ, ни на одинъ гранъ не смиловались»,—говорилъ онъ съ улыбкой о врачахъ. «Ну да, что-жъ, что сегодня нѣтъ, завтра будетъ, на борщъ и кашу заработаемъ»—и принимался за лабораторную работу, напѣвая какой-нибудь веселый мотивъ. Сознавая свою правоту, во всемъ онъ держалъ себя съ достоин-

ствомъ; при ревизіи аптеки пріятно было видѣть, какъ спокойно и учтиво проходила вся эта процедура, заставляющая всегда такъ волноваться многихъ аптекарей. Весь день у него проходилъ въ занятіи, постоянно онъ копошился, какъ неутомимый муравей. А тяжело было, когда приходилось самому: не всегда были лишнія средства взять помощника; бывало, не только дни и мѣсяцы, но цѣлые годы онъ трудился безвыходно, не имѣя права и возможности пройти на другую улицу, выѣхать за городъ. Эта страшная неволя, эта мучительная привязанность къ мѣсту, принужденность ежеминутно днемъ и ночью быть готовымъ къ услугамъ публики, иногда далеко нецеремонной и безпокоющей аптекаря изъ-за пустяковъ, это одна изъ тяжелыхъ сторонъ аптечнаго дѣла. Съ удивительнымъ, невозмутимымъ спокойствіемъ переносилъ все это мой принципалъ изъ Малороссіи. За всѣмъ, касающимся фармаціи, онъ зорко слѣдилъ, занимался и трудился. Все, что возможно было сдѣлать при такихъ условіяхъ жизни, все было сдѣлано для улучшенія дѣла и пользы общества...

Много, много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда я наслаждалась тишиной малороссійской глуши въ обществѣ симпатичной семьи аптекаря, гдѣ я служила помощницей въ аптекѣ. Сколько пережитаго и сколько еще предстоитъ. Окончивъ свою трехлѣтнюю практику помощницы, я рѣшила идти дальше и добиться высшей степени. Гдѣ заниматься, какъ приступить, я не знала. Я отправилась въ Питеръ. Послѣ усиленной бѣготни дня черезъ два я узнала, что требованіе мое слишкомъ дерзкое, такъ какъ женщинъ еще не допускали къ испытанію на эту степень и врядъ ли это было возможно. Мнѣ хотѣлось выяснить, почему же открыли намъ новый путь и на серединѣ его поставили барьеръ — невозможность добиться слѣдующей степени провизора, почему же это возможно было для мужчинъ: съ гораздо низшимъ общимъ образовательнымъ цензомъ они могли продолжать свое фармацевтическое образованіе, поступивъ въ университетъ, а намъ доступъ туда былъ запрещенъ.

Наконецъ я считала, что я не начинала еще фармацевтическаго образованія, такъ какъ нельзя же считать знаніями эти отрывочныя свѣдѣнія, которыя получаютъ будущіе аптекарскіе помощники. Но мужчины, хотя не зная своей профессіи, поступаютъ въ аптеки и работаютъ тамъ какъ дилетанты, они могутъ надѣяться, что познакомятся съ фармаціей, поступивъ въ университетъ, а гдѣ же намъ выучиться, чтобы быть настоящими и интеллигентными и знающими работниками?..

Обдумавъ свое положеніе, я зашла какъ-то къ знакомому магистру фармаціи N., который готовилъ меня къ экзаменамъ на степень помощника. Онъ сообщилъ мнѣ, что на дняхъ приходила къ нему тоже помощница, желающая держать экзаменъ на провизора, что она тоже бѣгаетъ всюду и ей отказываютъ, но она не теряетъ надежды, такъ какъ она хлопочетъ на основаніи циркуляра, разрѣшающаго женщинамъ пріобрѣтать нужныя свѣдѣнія для экзаменовъ на степень провизора и магистра, частнымъ путемъ экзаменоваться въ университетахъ и В. М. Академіи, пока не откроются частные курсы или спеціальный фармацевтическій институтъ. Циркуляръ, этотъ она случайно вычитала въ своемъ фармацевтическомъ календарчикѣ. Адресъ ея былъ извѣстенъ N, и я немедленно отправилась къ товарищу по профессіи и товарищу въ поискахъ за провизорскимъ дипломомъ. Черезъ часъ мы уже сидѣли въ темной маленькой комнатѣ на Пескахъ, казенномъ помѣщеніи при больницѣ, гдѣ служила моя товарка, и обдумывали планы, какъ приняться за дѣло. Календарчикъ явился на сцену, циркуляръ ясно говорилъ намъ о допущеніи женщинъ къ экзаменамъ съ частной подготовкой. На другой же день мы были въ канцеляріи Академіи. Тщетно однако совали мы календарчикъ въ руки секретаря, намъ сказали, что такого случая не было, трудно надѣяться, что разрѣшатъ, но посовѣтовали обратиться прямо къ начальнику. Подруга моя вернулась домой на службу, я же отправилась къ начальнику. Изложивъ свою просьбу, я услыхала тотъ же отвѣтъ, что случая такого еще не было и трудно рѣшить это дѣло. Я дерзнула замѣтить Его Превосходительству, что первый разъ добиваются чего-нибудь безъ предварительнаго случая и что первый случай долженъ быть всетаки всегда пер-

вымъ.—На этотъ убѣдительный аргументъ начальникъ улыбнулся и просилъ зайти черезъ нѣсколько дней въ канцелярію, что будетъ посланъ запросъ министру народнаго просвѣщенія. За эти дни мы разыскивали знакомыхъ, которые могли бы намъ помочь въ чемъ-нибудь. Женщина-врачъ, съ которой я такъ подружилась въ земствѣ, работала въ Питерѣ, и мы опять жили вмѣстѣ, и всѣ хлопоты съ экзаменами ее интересовали не меньше меня. Нашлись люди, имѣющіе вліяніе и знакомство съ профессорскимъ міромъ, и почва подготовлялась. Черезъ нѣсколько дней я была опять въ канцеляріи. Министръ Народнаго Просвѣщенія не разрѣшилъ допустить насъ къ экзаменамъ впредь до открытія спеціальныхъ курсовъ фармаціи. Насъ обнадежили однако, что вопросъ будетъ поставленъ въ конференціи профессоровъ для обсужденія и окончательнаго рѣшенія.

Ждать, пока откроются фармацевтическіе курсы для женщинъ, положительно было немыслимо, я видѣла и знала, какъ много лѣтъ говорили и говорятъ еще фармацевты объ учрежденіи фармацевтическаго института и только кончается все одними разговорами.

Слишкомъ мало интересуется общество фармацевтами, слишкомъ мало удѣляетъ имъ вниманія медицинскій міръ, въ зависимости отъ котораго волей судебъ, а можетъ быть и своей виной, находятся фармацевты, и поэтому только сами же фармацевты частной иниціативой, коллективными силами могли-бы соорудить спеціальный фармацевтическій институтъ вмѣсто скитанія въ роли пасынковъ по всѣмъ университетамъ. Перспектива въ ожиданіи того, что можетъ исполниться черезъ много лѣтъ, не была особенно заманчивой.

Мысль смѣлая, дерзкая родилась въ моей головѣ, я скрывала ее и таила въ себѣ, развивая мечтами и планами, для осуществленія которыхъ надо было во чтобы то не стало скорѣе добиться провизорскаго, а если возможно, и магистерскаго диплома.

Все время почему-то вѣруя въ хорошій успѣхъ дѣла нашего, мы готовились къ экзаменамъ у нашего знакомаго магистра N. Это былъ молодой человѣкъ очень симпатичный, не похожъ на фармацевта, какъ опредѣляли его хорошіе знакомые. Онъ часто скорбѣлъ объ упадкѣ сословія, къ которому онъ принадлежалъ,

и мы не разъ по этому поводу вели длинныя и оживленныя бесѣды. Причина ли такого упадка престижа нашего сословія только низкій уровень образованія, съ которымъ юноши вступаютъ на это поприще, или, можетъ быть, условія аптечной жизни, непосильный 14—16 часовой физическій трудъ, убивающій всякое желаніе подняться выше уровня, на которомъ остановило ихъ недостаточное образованіе, виною ли это воспитаніе и среда, изъ которой выходятъ неудачники, записывающіеся по неволѣ въ аптеку? Безъ сомнѣнія, все вмѣстѣ взятое кладетъ извѣстный отпечатокъ на фармацевта и вызываетъ такія фразы, какъ опредѣленіе симпатичной личности N его хорошими знакомыми, что онъ не похожъ на фармацевта.

Въ это время N удалось взять въ аренду аптеку въ Петербургѣ. Съ жаромъ взялся за дѣло, полный надежды въ себя, людей и свѣтлое будущее молодой еще аптекарь. Очень развитой и знающій теоретикъ, не умѣлъ однако выработать въ себѣ той практической жилки, которой требуетъ каждое коммерческое дѣло. Идеалистъ и мечтатель, добросовѣстно, относясь къ дѣлу, не располагая однако матерьяльными средствами, необходимыми для торговаго оборота, «зарвался», какъ говорятъ коммерсанты, и, вмѣсто поддержки въ людяхъ, нашелъ обычное равнодушіе, эгоизмъ и нерѣдко горькую иронію вмѣстѣ съ упреками за неумѣніе вести дѣла. Къ служащимъ относился, какъ хорошій товарищъ, работалъ самъ вмѣстѣ, давалъ всякіе совѣты и указанія по химіи обращающимся къ нему товарищамъ и врачамъ, но денегъ не хватало, долги росли, хозяинъ аптеки, видѣвшій въ своемъ арендаторѣ только источникъ дохода, не интересовался тѣмъ, что у дѣла стоитъ знающій и развитой человѣкъ, требовалъ только аккуратной арендной платы. Дѣло было прекращено, разоривъ N не только матерьяльно, но и въ отношеніи его здоровья. Нервная болѣзнь моего учителя произвела на меня грустное впечатлѣніе, я не разъ раздумывала, какъ много значатъ деньги и коммерческій нюхъ и какъ мало въ этомъ дѣлѣ значатъ только знаніе и добросовѣстное отношеніе...

Прошло однако еще нѣкоторое время, и ничего рѣшительнаго мы не знаемъ. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ одной изъ дамъ патронессъ, имѣвшей большое вліяніе въ этомъ мірѣ

и занимающей высокій постъ по мужу. Я раздобыла рекомендательное письмо отъ нашей общей знакомой, благодаря чему была принята очень любезно. Она удивленно посмотрѣла на меня, узнавъ о моей профессіи, которую нашла въ высшей степени подходящей для женщинъ, выразила свое одобрѣніе по поводу моей энергіи и желанія завоевать новую отрасль дѣятельности для трудящихся женщинъ, говорила о своей симпатіи къ женскому движенію, даже пригласила меня завтракать. За завтракомъ патронесса представила мнѣ своихъ двухъ близнецовъ сыновей, блѣдныхъ худенькихъ мальчиковъ съ бѣлокурыми, длинными, какъ у дѣвочекъ, локонами, падающими симметрично на тонкіе кружевные воротники. Мальчики явились въ сопровожденіи бонны и подошли къ ручкѣ маменьки, пролепетавъ «bonjour, chère maman» и удостоились отъ мамаши поцѣлуя въ обѣ щеки.

Патронесса обѣщала все сдѣлать, узнавъ отъ мужа, какъ ускорить наше ходатайство, и просила зайти черезъ недѣльку. Она проводила меня даже до прихожей и заявила своему лакею, помогавшему мнѣ одѣваться: «помните, Иванъ, что для этой дамы я всегда дома», на что послѣдовалъ отвѣтъ съ почтительной скороговоркой «Слушаюсь, ваше превосходительство».

Ровно черезъ недѣлю зашла къ превосходительной, но ея дома не было, на другой день тотъ-же отвѣтъ. На третій день я узнала, что Конференція Академіи рѣшила допустить насъ къ экзамену, мы были счастливы и довольны.

Я рѣшила нанести благодарственный визитъ патронессѣ. На этотъ разъ патронесса была дома, но еще изволила одѣваться и просила меня подождать минутку. Минутка продолжалась довольно долго, я осмотрѣла всѣ картины и статуэтки въ гостиной, стрѣлка на часахъ показала часъ времени, когда явилась прислуга и попросила меня на верхъ, гдѣ Превосходительство еще одѣвались. Я прошла цѣлую анфиладу комнатъ и вошла въ будуаръ. Это была, конечно, особая милость, выраженная по отношенію ко мнѣ въ конфиденціальномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и небрежномъ тонѣ. На половину одѣтая, спѣша протянула мнѣ руку: «Простите, что я васъ принимаю здѣсь, но я такъ поздно сегодня встала, ночью встревожилась сильно моимъ

Бобо и сейчасъ жду доктора. Вы знаете, къ великому моему сожалѣнію ничего не вышло изъ вашего дѣла, какъ досадно, право. какъ у насъ въ Россіи все съ трудомъ достается»!

Я невольно улыбнулась. «Не такъ скверно, какъ вы думаете, насъ допустили къ экзамену».

— Какъ такъ, развѣ недавно, я не успѣла справиться у мужа,—сказала она немного смущенная, оканчивая свой туалетъ «Сойдемъ внизъ, уже второй часъ, Боже мой, какъ поздно.— Маргарита, скажите генералу, что я его жду въ голубой гостиной». «Они изволили сейчасъ уѣхать» отвѣчала вертлявая горничная, открывая передъ нами дверь. «Неужели уже уѣхалъ?» переспросила генеральша.

Мнѣ было такъ досадно за эту всю комедію, которую еще хотѣлось продолжать патронессѣ, что я не выдержала. «Да въ чемъ же дѣло я все уже знаю, я считала своимъ долгомъ придти поблагодарить васъ за ваше содѣйствіе, а Вы, оказывается, и не знаете еще о результатахъ нашего ходатайства и забыли вѣроятно мою просьбу и свое обѣщаніе.—Слава Богу, дѣло уладилось, и я не смѣю васъ больше безпокоить». Я поклонилась. Густая краска покрыла ея красивое, нѣжное лицо. Она протянула мнѣ руку и заговорила довольно горячо: «пожалуйста, когда начнутся ваши экзамены, забѣгите, скажите, я всегда рада васъ видѣть, отъ души желаю полнаго успѣха. Увѣряю васъ, что я такъ сочувственно отношусь ко всякому женскому движенію». Въ этотъ разъ уже меня не провожали въ прихожую.

Прошелъ годъ, занятія съ трудомъ подвигались впередъ, какъ ни симпатиченъ былъ нашъ учитель, какъ ни былъ онъ знающимъ химикомъ не обладалъ однако преподавательскими способностями, да и настало время, когда нужно было работать практически по аналитической и судебной химіи, доступа нигдѣ намъ не было вездѣ одинъ отвѣтъ «женщины у насъ не работаютъ, женщинъ принять неудобно» или просто «мѣста нѣтъ». Пришлось прямо зубрить и ограничиться частными реакціями. Хлопоты, обиваніе пороговъ, довольно-таки энергичное, имѣло свой успѣхъ. Смиловались надъ нами нѣкоторые профессора В. М. Академіи, къ которымъ мы обратились съ просьбой о

мѣстѣ для работъ по судебной химіи, любезно предложили намъ особое помѣщеніе скрытое отъ глазъ міра сего, въ подвальномъ помѣщеніи, гдѣ мы расположились со своими работами. Тамъ же нашлися добрые люди, которые стали руководить нашими занятіями и всегда готовы были дать всякаго рода указанія и совѣты. Одинъ изъ этихъ симпатичныхъ, уважаемыхъ людей прочиталъ намъ цѣлый повторительный курсъ по химіи у себя на дому, другой по вечерамъ въ академической аудиторіи для насъ двухъ только демонстрировалъ всѣ опыты по физикѣ. Удивительное и рѣдкое отношеніе къ намъ этихъ милыхъ людей останется однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній моей жизни.

Итакъ, съ ихъ помощью мы выдержали наши экзамены и получили дипломъ.

Товарка моя уѣхала къ себѣ въ С-ую губ., гдѣ у отца была маленькая аптека, и принялась за управленіе и веденіе дѣла.

Я же, послѣ отдыха въ семьѣ, рѣшила ѣхать опять и держать дальше на степень магистра. Мысль, которая зародилась у меня передъ экзаменомъ на провизора, развилась, окрѣпла, а я намѣревалась ее вывести на свѣтъ. Выдержавъ экзаменъ на степень магистра, я могла смѣлѣе добиться привилегіи на открытіе аптеки въ Петербургѣ. Аптека дала-бы мнѣ возможность сдѣлать многое, осуществить всѣ мои планы. Во-первыхъ, дала-бы заработокъ многимъ женщинамъ, моимъ сотрудницамъ, а главное, дала-бы мнѣ средства устроить школу для товарищей-женщинъ, желающихъ идти дальше по фармацевтическому пути, но не имѣющихъ возможности пріобрѣсти знанія въ обстановкѣ для этого удобной.

Я подала прошеніе о допущеніи меня къ экзамену на магистра, и хотя это былъ первый случай въ Россіи, на этотъ разъ прошеніе мое было безпрепятственно принято.—Я начала готовиться. Опять тѣ же хлопоты, гдѣ пріобрѣсти знанія, гдѣ работать. Каждая неудача, каждое затрудненіе, которое я встрѣчала на своей дорогѣ, увеличивало только стремленіе къ намѣченной цѣли. Въ этотъ годъ я перезнакомилась со всѣми не-

многочисленными товарками, работающими въ столицѣ въ частныхъ и больничныхъ аптекахъ. Трудно было нашимъ устроиться въ Питерѣ, аптекаря не принимали къ себѣ женщинъ въ аптеки, смотрѣли недружелюбно на вторженіе новаго, свѣжаго элемента, выступающаго на арену жизни въ борьбѣ за существованіе.— У насъ образовался маленькій кружокъ и собирались у всѣхъ, у кого была комната немного обширнѣе, образовалось нѣчто въ родѣ бюро для пріисканія мѣстъ. Товарищи изъ провинціи обращались ко мнѣ постоянно за разными справками и совѣтами, гдѣ заниматься, какъ устроиться, чтобы не только выдержать экзаменъ, но и знать что-нибудь, писали мнѣ съ выраженіемъ обиды и сожалѣнія, что въ центрахъ, гдѣ хотѣлось-бы дальше поработать, поразвиться, женщинъ въ аптеки не берутъ. А число нашихъ прибывало съ каждымъ годомъ, необходимость спеціальной школы сказывалась все сильнѣе.

Заговорили о фармацевтическомъ съѣздѣ, о широкихъ его задачахъ, надеждѣ на свѣтлое будущее, говорили объ участіи въ немъ представителей науки, однимъ словомъ, предсказывали громадную реформу въ фармацевтическомъ мірѣ. Мы тоже захотѣли принять участіе въ этомъ сословномъ праздникѣ. Меня выбрали делегаткой отъ женщинъ-фармацевтовъ. Какъ разъ наканунѣ Новаго года я пріѣхала въ Москву къ открытію съѣзда. Десять шумныхъ дней промелькнули быстро, торжественныя встрѣчи членовъ съѣзда, обѣды, ужины и рѣчи безъ конца. Первый разъ выступали тутъ вмѣстѣ два лагеря оффиціально, поставивъ себѣ девизомъ сплотиться въ одну семью и обсудить свои дѣла. Неискрененъ былъ этотъ союзъ, чувствовалось это на каждомъ шагу. Аптекаря держались въ сторонѣ, служащіе недружелюбно поглядывали на своихъ хозяевъ. Съ жаромъ и краснорѣчіемъ говорили представители разныхъ обществъ, прибывшіе со всѣхъ сторонъ Россіи. Лились рѣчи, прерываемыя невоздержными восклицаніями, свистомъ или рукоплесканьями, столкнулись интересы людей хотя одной профессіи, но разныхъ взглядовъ и предъявленныхъ требованій отъ жизни. Съ одной стороны хлынула наружу вся ненависть и долго таенная злоба противъ болѣе сильныхъ, молодой задоръ и желаніе лучшаго будущаго ставили на карту все, вѣра въ значе-

ніе съѣзда, который казался какъ бы добрымъ геніемъ, поднимающимъ мечъ, чтобы разрубить Гордіевъ узелъ и своимъ рѣшеньемъ измѣнить все къ лучшему, необузданное желаніе высказать все наболѣвшее, накопившееся, жажда создать себѣ новыя условія для жизни, мысли и духа, съ другой стороны старая рутина, жаль разлуки съ увѣковѣченнымъ цѣлыми поколѣньями порядкомъ чувствъ самозащиты своихъ матеріальныхъ интересовъ, съ сознаньемъ все-таки долга въ участіи реформы, необходимой для поддержанія и обновленія престижа своего сословія, смѣшивалось въ одинъ хаосъ, гдѣ разобраться было очень трудно. Особенно оживленны были засѣданія по сословнымъ вопросамъ объ улучшеніи быта служащихъ, о сокращеніи рабочаго дня, уничтоженіи пансіоновъ при аптекахъ, о повышеніи образовательнаго ценза, расширеніи правъ фармацевтовъ. Большинство ораторовъ старалось доказать, что одно повышеніе образовательнаго ценза ни къ чему привести не можетъ. Пойдутъ ли молодые люди въ аптеку, прошедшіе полный курсъ средняго учебнаго заведенія, пойдутъ ли на 14 часовой физическій трудъ юноши, желающіе развиться дальше, читать и думать? Пойдутъ ли на эту дорогу люди, не видѣвшіе ничего свѣтлаго передъ собой? Какая, въ самомъ дѣлѣ, перспектива для человѣка, выбирающаго фармацевтическую дѣятельность? Если не тяжелый физически, то тяжелый своей продолжительностью, нервной продолжительностью цѣлоденный трудъ, отчуждающій человѣка отъ общества, отъ семьи, ломающій нравственно его, не дающій сталкиваться ни съ какими высшими общественными интересами, служащій тормазомъ къ развитію и самосовершенству, необезпеченность въ будущемъ, вотъ все, что встанетъ передъ глазами того, кто хоть немного знакомъ съ условіями фармацевтической жизни. Не видимъ ли постоянно фармацевтовъ, болѣе сильныхъ и болѣе подготовленныхъ къ борьбѣ за существованіе и независимость, уходящими со своего поприща и порывающими всякую связь со своей спеціальностью, оставляя оглядывающихся съ завистью на счастливчиковъ товарищей, обреченныхъ въ силу необходимости нести всю тяготу современнаго порядка вещей до времени появленія и для нихъ счастливой звѣзды въ видѣ выгодной женитьбы, полученія хорошей привилегіи на

аптеку или тоже другого мѣста, не имѣющаго ничего общаго съ фармаціей. Изъ такой постановки дѣла возникли разнообразныя соображенія, какъ помочь, что дѣлать, чтобы было лучше. Требовалось громадной реформы во всемъ аптечномъ строѣ, и для этого нужна была солидарность и самостоятельность, которыхъ именно такъ не хватаетъ у фармацевтовъ. Солидарности нѣтъ не только ужъ потому, что сословіе раздѣлено на двѣ враждующія партіи хозяевъ и служащихъ, но нѣтъ и солидарности у служащихъ, не развито у нихъ чувство долга, товарищества даже, чувство своего достоинства. Отсутствіе самостоятельности объясняется многими причинами, о которыхъ распространяться здѣсь трудно, но одно изъ самыхъ главныхъ, это отсутствіе спеціально фармацевтическаго органа управленія, который бы слѣдилъ за всѣми интересами своего сословія, врачи всюду являются нашими опекунами до старости лѣтъ, хотя фармація вовсе не подчиненная медицинѣ, а только является ея главной сотрудницей. Пока ни одинъ врачъ не можетъ обойтись безъ аптеки, и хорошо приготовленное лекарство играетъ не меньшую роль, какъ правильное его назначеніе больному. Масса этихъ вопросовъ встала со всей своей неприглядностью передъ собраніемъ съѣзда и десять дней волновало многотысячную толпу. Но вотъ съѣздъ оконченъ, комиссіи по разнымъ вопросамъ выбраны, постановленія выработаны. Неужели всѣ эти надежды на лучшее будущее не сбудутся, неужели все это останется только пустымъ звукомъ и все пойдетъ своимъ чередомъ? Куда же дѣвались тѣ обильныя силы прошлыхъ столѣтій, когда фармація процвѣтала во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра. Не говоря уже о знаменитомъ Шелле, геніальный умъ котораго обогатилъ науку цѣлымъ рядомъ открытій, о трудахъ великаго Лавуазье и его учителя Руэля, о работахъ Вокелена, Клапрота, Гетлинга, а потомъ Тромсдорфа, Бухгольца, о цѣломъ рядѣ ученыхъ химиковъ-фармацевтовъ; вспомнимъ великое открытіе аптекаря Сетурнера, открывшаго морфій, это могущественное средство облегченія страданія человѣчества, давшее начало цѣлому ряду работъ въ области растительной химіи; вспомнимъ слѣдующія открытія стрихнина, хинина и другихъ растительныхъ основаній дѣла рукъ Пелетье и Каванту, сдѣлавшіе громадный

переворотъ въ терапіи, а основательныхъ методовъ анализа знаменитый Либихъ и другіе. Измѣнилось время, соціальныя условія, аптека стала только лавкой и все теперь измельчало, переродилось и рѣдко, рѣдко, особенно въ Россіи, появляются способные люди между фармацевтами. Неужели это пойдетъ такъ дальше, неужели не отряхнется наше сословіе и на порогѣ XX столѣтія, собравъ всѣ свои силы и сбросивъ ярмо со всѣми тѣми условіями, способствующими разслабленію его организма, не пойдетъ прямо и смѣло на встрѣчу прогрессу и идеалу...

5/II. 1901.
С.-Петербургъ.

Продолженіе выйдетъ изъ печати черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.